

М. В. Булавин**МАССОВЫЕ ЗАКРЫТИЯ ХРАМОВ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ
НА РУБЕЖЕ 1920—1930-х гг.**

Представлен широкий спектр бытовавших в обществе настроений по отношению к религии и церкви. Своеобразной печальной «приметой» эпохи «великого перелома» стало массовое закрытие православных храмов и серьезные масштабы выступлений в поддержку церкви.

Годы «великого перелома» оставили важный след в религиозной истории страны, став началом качественно нового этапа в области церковно-государственных и церковно-общественных отношений. Если в течение всего предшествовавшего десятилетия церковь продолжала оставаться весомым фактором общественной жизни, несмотря на все полученные ею раны, то затем, на протяжении 1930-х гг., она была отброшена на далекую периферию социального бытия и, по сути, разгромлена. Своеобразной печальной приметой тех лет стало массовое закрытие православных храмов. Для современного исследователя особенно важным представляется обстоятельство, что этот болезненный процесс с особой ясностью высветил весь спектр бытовавших в обществе настроений по отношению к религии и церкви. Между тем это дает нам возможность достоверного и полного определения роли, которую играла религия в сознании современников.

Как и многие другие радикальные перемены, массовое закрытие православных храмов быстро разделило общество на неравные по своей численности и возможностям воздействовать на ситуацию группы. Среди сторонников закрытия наиболее активными и влиятельными были лица, входившие в состав низовых звеньев советского и партийного аппарата. Заметим, что их деятельность по службе в церковном вопросе вовсе не являлась простой производной от религиозной политики советского государства. Ни в коей мере их нельзя рассматривать только в качестве «пешек», «винтиков», приводных ремней высших органов власти. Будучи в своем большинстве активными сторонниками формирующегося сталинского курса, низовые аппаратчики сплошь и рядом «творчески» подходили к его воплощению в жизнь, привнося в него новые и, как правило, радикальные элементы. В этой связи был абсолютно прав А. А. Зиновьев, когда говорил, что залог существования сталинизма заключался в его добровольной мощнейшей поддержке снизу: «сталинисты — это не горстка высших партийных руководителей, а сотни тысяч (если не миллионы) начальников и начальничков на всех постах грандиозной системы власти, сотни тысяч активистов во всех учреждениях и предприятиях страны» [Зиновьев, 1999, 310—311]. По нашему мнению, именно эта общественная группа сыграла решающую роль в выдвижении преимущественно административных методов в борьбе с религией.

Рассмотрим выдвинутое положение более подробно. Во второй половине 1920-х гг. советское руководство стало совершенно откровенно «закручивать гайки» в своих взаимоотношениях с церковью. В 1926 и 1929 гг. были проведены всесоюзные антирелигиозные совещания при ЦК ВКП(б), поставившие задачи повсеместной активизации антирелигиозной работы. В 1925 и 1929 гг. прошли I и II съезды Союза безбожников. В 1929 г. законодательство о культах было существенно пересмотрено в сторону стеснения возможностей деятельности религиозных организаций и упрощения процедуры закрытия храмов.

Однако в качестве итога реализации видоизмененного антирелигиозного курса политическое руководство рассматривало не закрытие храмов как таковое, а превращение СССР в общество массового атеизма, при котором ликвидация церковных общин являлась бы желательным побочным эффектом. Эту цель планировалось достичь прежде всего через усиление антирелигиозной агитации и пропаганды при поддержке, разумеется, административными мероприятиями. Развернувшуюся с 1928 г. на местах гонку за ликвидацию храмов в Москве наблюдали со смешанными чувствами. Уже 24 января 1929 г. ЦК ВКП(б) в своем письме отмечал, что «вместо углубленной антирелигиозной пропаганды в массах... ведется поверхностная антиклерикальная борьба с попами, кое-где имеет место огульное применение мер административного характера: закрытие церквей... без серьезной общественной надобности и без серьезной необходимой подготовки общественного мнения трудящихся» [НТИА, ф. 70, оп. 2, д. 30, л. 122 об.].

По мере того как все шире развертывалось противостояние между властями и значительной частью крестьянства и умножалось количество храмов, закрытых в результате административного произвола, указания на недопустимость действий низовых работников становились все более частыми. Письмо ЦК от 5 июня 1929 г. требовало «основное и решающее внимание уделять идеологической борьбе с религиозными предрассудками, не подменяя ее административными мероприятиями и не допуская ни малейших нарушений существующих советских законов» [Общество и власть, 2005, 271].

Аналогичной была позиция органов ОГПУ. Так, в январе 1930 г. полномочным представителем ОГПУ по Уралу была направлена служебная записка в обком и облисполком, в которой говорилось: «Считаю своим долгом предупредить вас, что если обком и облисполком не заставят окружные организации прекратить этот кавардак, то мы будем иметь все основания ожидать в ближайшее время опасных политических осложнений. Теперь, когда партия делает решительное наступление на кулака, мы не имеем права позволить головотяпскими действиями вокруг церквей создавать новый фронт против партии – фронт религиозный... По своей линии я отдаю распоряжение впредь немедленно арестовывать всех санкционирующих подобные действия, независимо от занимаемой должности и служебного положения» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 104, л. 1—1 об.].

Старался одергивать наиболее ретивых исполнителей также ВЦИК. Летом 1930 г. особым письмом он информировал областные и краевые исполкомы о том, что «решения административных органов об изъятии молитвенных зданий, при

наличии протеста значительной части населения, подлежат отмене. Равным образом подлежат отмене изъятие молитвенных зданий, поскольку оно не связано с немедленным использованием для удовлетворения действительных общественных надобностей» [НТИА, ф. 70, оп. 2, д. 30, л. 137].

Облисполком и его административный отдел неоднократно пытались разъяснить низовым инстанциям всю серьезность подобного настроения ВЦИК, настаивали на строгом соблюдении существовавшего законодательства, предупреждали о высокой вероятности отмены необоснованных решений о закрытии церквей высшими инстанциями [см.: Там же, л. 128; ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 169, л. 10 об.]. В отдельных случаях нарушителей закона ждали по-настоящему серьезные неприятности. Например, в октябре 1930 г. после закрытия без соблюдения установленного порядка одного из храмов Чусовского завода постановлением прокурора республики был привлечен к уголовной ответственности весь состав горсовета и президиума райисполкома [ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 103, л. 59].

Сказанное выше отнюдь не является попыткой снять ответственность за происходившее с высшего политического руководства страны. Оно непосредственно виновно в сложившейся ситуации, так как, во-первых, открыто провозгласило курс на искоренение религии и ликвидацию церквей, во-вторых, создало условия, благоприятствовавшие развертыванию массового закрытия храмов, и, наконец, крайне вяло и неохотно преследовало зарвавшихся аппаратчиков, а впоследствии, по сути, утвердило результаты их деятельности. Однако фактом является и то, что для закрытия храмов не были характерны ни жесткое и регламентированное по времени нормирование, ни постоянное подстегивание сверху. Это превращает местного функционера в главную фигуру, продвигавшую антирелигиозную кампанию в провинции.

Возникает вопрос о факторах, предопределивших ярко выраженную антицерковную активность низовых руководителей. На наш взгляд, к основным среди них относятся следующие:

- охватившая страну атмосфера крайней нервозности, взвинченности, горячки, которая формировалась в результате умножения реальных проблем вследствие автокатализа поразившего власти и общество возбуждения и прямо содействовала увеличению масштабов разного рода «чрезвычайщины» и проявлений «административного восторга»;
- наличие в рядах низовых аппаратчиков значительного количества лиц, отличавшихся ярким антиклерикализмом. Еще в период Гражданской войны для активных приверженцев новой власти в ряде случаев была характерна труднообъяснимая враждебность против всего, что было связано с православием. Установление в 1920-е гг. относительно мирных форм сосуществования режима и церкви с определенными уступками массам православных верующих не было понято в этой среде: в изменившейся обстановке они получили возможность действовать, игнорируя законы, и охотно воспользовались этой возможностью;
- намерение решить за счет закрытия церквей ряд острейших проблем, связанных с неразвитостью инфраструктуры в сфере культуры и образования. Необ-

ходимо признать, что в быстро растущих промышленных городах ситуация с обеспеченностью помещениями школ и учреждений культуры и в самом деле являлась близкой к катастрофической. Так, в Нижнем Тагиле на 8 тысяч учащихся приходилось только 16 школьных зданий, причем 7 из них были переоборудованы из частных домов [см.: НТИА, ф. 70, оп. 2, д. 135, л. 526; ЦДООСО, ф. 4, оп. 10, д. 203, л. 1]. В Свердловске все школы занимались в три смены, а план школьного строительства систематически недовыполнялся на 50 % [см.: Уральский рабочий, 1929, 12 янв.].

Как мы видим, имелся ряд объективных и субъективных причин, подталкивавших руководителей на местах всемерно форсировать процесс закрытия храмов. Однако этот слой мог реализовать свои намерения только при условии поддержки его другими социальными группами, в совокупности и составлявшими «антицерковную партию» общества. Помимо партийных и советских функционеров, к ее особо активным слоям принадлежали антирелигиозно настроенные рабочие. Усиление данной группы городского рабочего населения происходило на всем протяжении 1920-х гг. на фоне все более заметной секуляризации сознания народных масс. В конце десятилетия не только партийно-государственными структурами, но и самим православным духовенством отмечались такие явления, как падение посещаемости храмов, снижение численности граждан, участвовавших в церковных обрядах, нарастание равнодушия к духовенству и его нуждам, а подчас — и подлинная антипатия к священникам даже среди лиц, посещавших церковь [см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 7, д. 418, л. 20]. Особый размах эти явления приобрели в рабочей среде.

Индифферентные по отношению к религии рабочие, поддававшие под влияние официальной пропаганды, превращались в «ударный отряд» разного рода антицерковных акций. В их рядах получило широкое распространение не только демонстративное пренебрежение внешними формами церковности, но и ненависть к связанным с церковью лицам — как священникам, так и мирянам. Последние характеризовались в разного рода обращениях и письмах во власть как «антисоветски настроенные люди, отбросы общества» [НТИА, ф. 70, оп. 2, д. 2, л. 309].

Как и в случае с аппаратчиками, рабочих-антицерковников нельзя характеризовать лишь в качестве «винтиков» системы. Закрытия храмов они добивались не по указке, а с настоящей страстью и немалой настойчивостью, далеко в этом превосходя ту часть советских бюрократов, которая предпочитала действовать с оглядкой на законодательство. Примером могут служить рабочие Чермоза (Пермский округ), голосовавшие в октябре 1928 г. за ликвидацию местной церкви и обвинявшие после этого административный отдел облисполкома в том, что он занимается волокитой и «маринует» дело о закрытии [Уральский рабочий, 1929, 15—16 янв.].

Наконец, следует обратить внимание на городскую и сельскую молодежь, выступавшую в качестве деятельной опоры агрессивного атеизма (собственно, многие из антирелигиозно настроенных рабочих как раз и были людьми молодого возраста). Процесс отхода молодежи от православия зашел к тому времени на-

столько далеко, что один из свердловских священников мог заметить, вряд ли серьезно погрешив при этом против истины: «она [молодежь] потеряна для церкви безвозвратно, ибо в настоящее время воздействие пастырей на них невозможно, а родительское очень слабо» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 7, д. 418, л. 18].

В контексте интересующих нас проблем особенно важной представляется легкость, с которой молодые люди приобретали хулиганско-погромную настроенность в отношении церкви. Молодежное хулиганство вообще было одной из болезненных общественных язв 1920-х — начала 1930-х гг., что было вызвано неимоверно быстрым по историческим меркам распадом системы традиционных ценностей, высоким уровнем социального напряжения, нерешенностью многих бытовых проблем и низким общим культурным уровнем населения.

В этих условиях молодежь, отстаивая свое право на самостоятельность перед лицом взрослых, в грубых, варварских формах выражала протест против вещей, дорогих старшему поколению. Религия оказывалась, таким образом, естественной мишенью для юных хулиганствующих атеистов. В документах эпохи достаточно часто встречаются описания эксцессов, подобных тому, который произошел в селе Юдигь (Пермский округ) в 1929 г., где хулиганы во время свадьбы избили церковного сторожа, забрались на колокольню и били в набат, в церкви прикуривали от свечей, а затем под руководством местного избача упражнялись в стрельбе по церкви [Там же, л. 21].

Естественно, идея постепенного отмирания религии в результате планомерной атеистической пропаганды была непонятна и неинтересна ни этой публике, ни даже многим более «цивилизованным» молодым членам Союза воинствующих безбожников и комсомольцам. Напротив, им был близок дух насилия, административного натиска, воплотившийся в массовом закрытии храмов. Молодые безбожники именно так и понимали борьбу с церковью: «Если нельзя ставить вопрос о закрытии церкви и снятии колоколов, то чем же заниматься?» [Там же, оп. 8, д. 669, л. 90].

Поэтому не приходится удивляться значительной роли, которую сыграли сельская и городская молодежь и хулиганствующие элементы в деле закрытия церквей. Например, в селе Сухоложском (Шадринский округ) местная молодежь в ходе подготовки закрытия храма выбила в нем камнями 17 окон. Сельсовет открыто потворствовал хулиганам. В ответ на жалобы верующих было сказано: «У вас есть Бог, ему и жалуйтесь, пусть он вас и охраняет, а мы же взыщем с вас за разбитые окна» [Там же, д. 169, л. 10]. Хорошо заметно, что на практике легко достигалось взаимодействие между разными группами антицерковного слоя общества.

При всей своей активности и реальном весе в местной политике антирелигиозная прослойка в большинстве случаев могла добиваться успеха только на фоне гласного или молчаливого согласия основной части населения. Речь не идет о безверии или выраженном антиклерикализме большинства народа. Напротив, уровень его бытовой религиозности по-прежнему характеризовался достаточно высокими показателями, хотя и стал заметно ниже, чем в предшествующие годы. По ориентировочным оценкам руководства областной организацией СВБ в начале

1930-х гг. жители Свердловска поголовно крестили детей, а 45 % смертей сопровождались отпеванием в церкви. Это очень значительная цифра, учитывая отсутствие в то время практики заочного отпевания. Только количество венчаний свидетельствовало о заметном «культурном прогрессе» — всего 2,2 % вступавших в брак венчались [ЦДООСО, ф. 4, оп. 12, д. 227, л. 31].

Но заметная «бытовая» религиозность не трансформировалась в стойкость убеждений, сочеталась с общей аморфностью, нечеткостью структуры мировоззрения. Уже упоминавшаяся секуляризация массового сознания все больше размывала устои веры тех, кто еще не вполне отошел от церкви. Поэтому и формально верующие без особого сопротивления участвовали в антирелигиозных митингах и собраниях, давали свои подписи за закрытие храмов. Только этим можно объяснить, например, сбор 10 тысяч подписей за закрытие Никольского храма в Нижнем Тагиле (всего в районе закрытия проживало около 12 тысяч человек взрослого населения) и практически единогласные решения собраний граждан Свердловска в пользу закрытия церквей [см.: Уральский рабочий, 1929, 12 февр.].

Можно выделить несколько причин, которые заставили эту мировоззренчески не определившуюся группу фактически оказаться на стороне противников церкви. Прежде всего, ее волеизъявление не было вполне свободным. При сборе подписей под требованиями об изъятии храмов органы местной власти и начальство по месту работы широко прибегали к запугиванию, в основном заключающемуся в угрозах увольнения с работы [см.: НТИА, ф. 70, оп. 2, д. 135, л. 542 об.]. На образцового верующего оно не возымело бы действия, но, как уже было сказано, даже среди посетителей храмов подлинных борцов за веру было очень мало.

Помимо негативной стимуляции сыграли свою роль и факторы иной природы. К их числу принадлежит, например, «равнение на власть», конформизм по отношению к государству и политически активным, антицерковно ориентированным согражданам. Рабочий Верхнесалдинского завода, который в речи на митинге сказал о том, что «раз правительство настаивает закрыть церковь, то ее и нужно закрыть» [Там же, ф. 21, оп. 1, д. 1179, л. 5], безусловно, был движим именно такой мотивацией.

Конформистские настроения могли переплетаться с осознанием личных и общественных интересов, как вполне самостоятельным, так и индуцированным агитацией местных властей и активных антиклерикалов. Повсеместное признание получил выдвинутый властями лозунг о жизненной необходимости использовать помещения закрытых храмов в образовательных и культурно-просветительских целях. Такое признание существовало не только в виде пассивного согласия, но и как добровольная, эмоционально заряженная поддержка. Идея передачи церкви под школы, клубы и библиотеки приобретала характер коллективного аффекта. На этом психологическом фоне могла осуществляться и осуществлялась на практике смычка в принципе не чуждой православию, но находящейся на грани веры и неверия массы с антирелигиозным слоем.

Происходившие в сознании людей подвижки различной длительности, видимо, можно описать как «отключение» его традиционных религиозных компонен-

тов и их замещение феноменами квазирелигиозной природы. В результате стали возможны спонтанные акции с большим количеством участников, такие как в Туринске, где около полутора тысяч человек ворвались в храм и потребовали прекратить богослужение, а затем чуть не вышвырнули причт на улицу [см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 169, л. 18].

Тезис о необходимости передачи церквей под школы рефреном звучал тогда на собраниях и митингах. Выступавшие обычно апеллировали к социальному чувству участников, говорили об ответственности перед страной и потомками: «Если мы на двенадцатом году революции не отберем церкви, то наши дети нам скажут, что вы не могли нас воспитать, чтобы мы были все грамотные, когда за границей все находятся грамотные, а мы остаемся темными» [НТИА, ф. 70, оп. 2, д. 115, л. 46 об.]. Немногочисленные сторонники других точек зрения не могли решительным образом влиять на настроение собравшихся. В результате местные власти получали мощную психологическую поддержку.

Одержимость общественности идеей изъятия храмов — феномен иррациональный по своей природе. На ее явно сверхценный, как сказали бы сейчас, характер часто указывало руководство приходов. Основу аргументации верующих составляло утверждение о том, что переоборудование культовых зданий под школы и культурные учреждения явится слишком дорогостоящим мероприятием — ведь нужно было сооружать внутренние перегородки, устанавливать или реконструировать системы отопления, проводить ремонт и т. д. [Там же, д. 135, л. 542 об.]. Обоснованность подобных соображений была вполне подтверждена на практике: использование отобранных церквей по новому назначению на всем протяжении 1930-х гг. было исключением из правила, чаще всего они просто пустовали [см.: Летящий паровоз, 2006, 172, 177]. Разумеется, справедливость утверждений приходского руководства можно было проверить и заранее, но никто этим не собирався заниматься. Дело не в чьей-то злой воле: просто вся история изъятия храмов является еще одной иллюстрацией к тезису о том, что в эпоху сталинской модернизации большая часть вовлеченных в общественно-политическую жизнь людей «находилась, если прибегнуть к религиозным понятиям, в страстном состоянии» [Кара-Мурза, 2001, 243].

Таким образом, содержание изменений в религиозной жизни страны тех лет вовсе не сводится к механическому уничтожению православных общин государственной властью. Имел место сложный общественный процесс комплексной этиологии, конкретно-исторические особенности протекания которого и стали подлинной причиной беспрецедентного упадка православия.

Что касается противоположной стороны возникшего конфликта, противников закрытия храмов, то они, уступая оппонентам в численности, были хуже организованы и не обладали сопоставимыми политическими возможностями. Среди основных приемов борьбы, использовавшихся ими, наиболее распространенным были письменные жалобы в областные и центральные органы власти. Особенно многочисленными они стали после выхода в свет известной статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». К этому времени, с одной стороны, накопилось

огромное количество случаев злоупотреблений, а с другой — у верующих появилась надежда на благожелательное отношение к их просьбам.

В этот же период большой размах приобрела и практика посылки особых делегаций с жалобами на действия местного начальства. Только за десять дней, с 26 марта по 5 апреля 1930 г., в облисполкоме побывало 34 таких делегации, в основном из близлежащих мест Свердловского округа [см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 669, л. 89]. Областные руководители были серьезно обеспокоены тем обстоятельством, что среди обратившихся с жалобами немалую долю (около трети) составляли представители населенных пунктов с преобладанием рабочего населения. К ним относились Касли, Егоршино, Билимбаев, Ревда, Нижние и Верхние Серги, Сысерть, Ачитск и Первоуральск [Там же, д. 169, л. 9].

Специфической особенностью рубежа 1920—1930-х гг. явилось значительное количество открытых выступлений на религиозной почве. Такая черта не была свойственна ни первому послеоктябрьскому десятилетию, ни всему остальному советскому периоду. Пытаясь выявить причины возникновения данного феномена, следует обратить внимание прежде всего на крайне резкий, шокирующий верующих граждан характер изменений в процессе закрытия церквей. Если на протяжении 1920-х гг. ликвидация действующего храма была редким событием, то уже к середине 1930 г. в Уральской области было закрыто 1 121 культовое здание, т. е. 30 % ранее действовавших [Там же, д. 669, л. 75].

Не все, однако, можно объяснить только степенью давления, которое испытывали верующие. Ранее многие церкви передавались раскольникам-обновленцам, причем некоторые (Введенская и Выход-Иерусалимская в Нижнем Тагиле, Флоро-Лаврская в Шадринске и др.) были отобраны у тихоновцев в рамках специально организованных мероприятий, осуществлявшихся ОГПУ. Для сторонников патриаршей церкви храм, оказавшийся в руках раскольников, являлся потерянным точно так же, как и в случае его закрытия. Тем не менее никаких открытых форм протеста зафиксировано не было, актив приходов ограничивался письменными жалобами.

Размах и глубина возмущения ликвидацией культовых зданий периода «великого перелома» могут быть объяснены, на наш взгляд, интерференцией двух мотивов — оскорбленного религиозного чувства и общего недовольства ситуацией в стране и регионе. Следует иметь в виду, что выступления на религиозной почве были только частью большого количества протестных акций, хотя и довольно значительной. Так, по сведениям ОГПУ всего в СССР за первое полугодие 1930 г. произошло 1 837 массовых выступлений по разным поводам, из них 138 — на религиозной почве [Советская деревня, 2000, III, 776]. Недовольство властями и требования к ним, как правило, не ограничивались религиозной сферой, а приобретали собирательный характер: «Дайте хлеба. Довольно нас мучить. Дайте нам свободу» [Там же, II, 820].

Кроме того, мы должны помнить, что в ходе осуществления коллективизации в деревне в определенной степени была реанимирована атмосфера гражданской войны, революционного хаоса. Как и в случае любого острого гражданского конфликта, каждая его сторона была заинтересована в мобилизации сторонников,

привлечении к себе симпатий общественного мнения. Кулачество целенаправленно использовало религиозные чувства односельчан для того, чтобы организовать антиправительственные выступления и проводило соответствующую агитацию [Советская деревня, 2000, III, 819].

В свете сказанного понятно, что спад общей политической напряженности в стране одновременно означал и уменьшение количества религиозно мотивированных протестов населения даже вне зависимости от содержания правительственной политики по отношению к церкви.

На Урале к середине 1930 г. было зафиксировано не менее 27 случаев выступлений на религиозной почве с количеством участников до четырех с половиной тысяч человек [см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 8, д. 104, л. 99]. В целом, присущие этим инцидентам особенности соответствовали общесоюзному стандарту: спонтанность возникновения, большое количество либо преобладание женщин среди участников, частота применения насилия в виде избиений коммунистов, комсомольцев, лиц, осуществлявших закрытие храмов.

Наиболее тревожащими для властей случаями были протесты в Каслях, Егоршино и Туринске. Они отличались не только массовостью, но и долговременностью. Например, в Туринске верующие четыре дня «держали улицу в своих руках» [Там же, д. 669, л. 89]. Для снятия напряжения в этих населенных пунктах принимались срочные организационные меры. Решения о закрытии храмов, ставшие поводом для выступлений, были частично отменены.

Достаточно серьезные масштабы выступлений в поддержку церкви, а также общая линия на исправление «перегибов» вызвали значительное снижение темпов изъятия молитвенных зданий. Тем не менее мощь процерковных настроений оказалась недостаточно сильной для кардинального изменения религиозной политики в СССР. Хотя и с меньшей интенсивностью, но закрытие храмов имело место на протяжении всех 1930-х гг.

Как мы могли убедиться, картина общественных настроений по вопросу о судьбе православных приходов на Среднем Урале отличалась значительной пестротой. Учет всего спектра настроений необходим при анализе общественной и религиозной жизни, так как обе стороны рассмотренного конфликта оказывали самое серьезное влияние на действия властей разного уровня и непосредственно на развитие ситуации.

Зиновьев А. А. Русская судьба: исповедь отщепенца. М., 1999.

Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Кн. 1. М., 2001.

Летящий паровоз: Ист. очерки / Отв. ред. А. Г. Коряков и Б. Н. Телков. Екатеринбург, 2006.

НТИА, ф. 21 (Нижнетагильский окружной исполнительный комитет), оп. 1, д. 1179; ф. 70 (Нижнетагильский городской совет депутатов трудящихся и исполнительный комитет совета), оп. 2., д. 2, 30, 115, 135.

Общество и власть: Рос. провинция, 1917—1985. Т. 1. Челябинск, 2005.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: Док. и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича и В. Данилова. М., 2000.

Уральский рабочий. 1929. 12 янв., 15—16 янв., 12 февр..

ЦДООСО, ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС), оп. 7, д. 418; оп. 8, д. 103, 104, 169, 669; оп. 10, д. 203; оп. 12, д. 227.

Статья поступила в редакцию 08. 02. 2007.

Л. Н. Мазур

НАРОДЫ СРЕДНЕГО УРАЛА В СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ (XX в.)*

В статье рассмотрены основные направления этнокультурного развития сельской местности Среднего Урала в XX в. Проанализирована динамика численности основных национальных групп населения — русских, татар, марийцев, башкир, манси, казахов и др., прослежены изменения в структуре их расселения.

Средний Урал в настоящее время представляет собой регион, в котором проживают представители почти 100 национальностей. Географически он охватывает в основном территорию Свердловской области за исключением северных ее районов, а также часть Пермской и юг Челябинской области. Расхождение географических границ Среднего Урала и административно-территориальных образований невольно осложняет анализ исторических явлений. Поэтому необходимо уточнить, что рассматриваемые процессы локализуются территориальными рамками Свердловской области. Она оформилась административно в 1934 г., ее границы неоднократно менялись. Сегодня Свердловская область охватывает значительную часть Среднего и некоторые районы Северного Урала, простираясь на площади в 194,8 тыс. кв. км с населением, согласно переписи 1989 г., 4 706 763 человека [см.: Уральский экономический район, 1991, 2, 17].

Первоначально освоение региона осуществлялось его коренным населением, из которого сформировались финно-угорские (коми-пермяки, удмурты, манси) и тюркские (башкиры) народы. В XVI в. в связи с присоединением этих территорий к Русскому государству происходят существенные изменения в этническом составе населения Урала. Сюда хлынули потоки переселенцев — татар, русских, марийцев и пр., в результате чего коренные народы оказались в меньшинстве. Особенности исторического освоения этой территории обусловили преобладание в структуре населения русских, которые и определяют этническую специфику региона. Полиэтнический состав населения нашел свое непосредственное отражение в структуре сельского расселения, которое носит дисперсный характер. Формирование первичной посе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 04-01-00138а.